

Последние рыцари

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 8. М.: Худ. литература, 1973. С. 528 -- 540.

Подобно тому, как прирожденный всадник связан неразрывно телом и духом со своей породистой лошадью, идущей на ирландский банкет, - был связан капитан князь Тулубеев со своим эскадроном, своим полком и со всей славной русской кавалерией. Репутация его, как прекрасного всадника и как человека чести, была уже прочно установлена. Еще будучи "зверем" в петербургской кавалерийской школе, он вызвал на дуэль одного из товарищей, остзейского барона, позволившего себе неосторожно сказать, что татарские князья годны только на то, чтобы служить в ресторанах и заниматься шурумбуромом. Дуэль состоялась. Противник Тулубеева был легко ранен в ногу, а сам Тулубеев был в наказание разжалован в солдаты, в пехотный полк.

За два года такой опалы Тулубеев, от нечего делать, отлично подготовился к экзамену для поступления в Академию генерального штаба и, после помилования, безукоризненно выдержал его. У него хватило терпения блестяще окончить оба академических курса, ибо по натуре своей был он человеком, не любившим больше всего недоделанных дел, но, получивши почетный диплом, он тотчас же запросился назад, в свой возлюбленный Липецкий драгунский полк. Напрасно милый генерал Леер, тогдашний начальник академии, всеми силами старался убедить Тулубеева не оставлять работы и службы в генеральном штабе, обещав ему высокую карьеру. Тулубеев сердечно благодарил добрейшего генерала, но отвечал постоянно:

- Кланяюсь вам земно, ваше превосходительство, и всегда буду помнить вашу науку, но что же я могу поделать с собою, если меня, как в родной дом, тянет в мой Липецкий драгунский полк с его амарантовым ментиком и коричневыми чикчирами. Вот запоют господа офицеры "Журавля" и как дойдут до нашего полка:

Кто в атаке злы, как гунны?
Это - липецки драгуны, --

так сердце и затрепещет. Кажется, если бы умел, то заплакал бы.

Явившись в полк, Тулубеев первым долгом доложил начальству о том, что он отнюдь не намерен пользоваться той привилегией молодых академиков, которая давала им право на внеочередное получение следующего чина, в ущерб всем обер-офицерам. Такие великодушные отказы бывали необыкновенной диковинностью в армии (если они вообще когда-нибудь бывали), и господа офицеры с удвоенным удовольствием оценили великодушную справедливость Тулубеева, не позволившего себе сесть на спины товарищей, и почтили его в собрании разлитым банкетом, на котором он не без юмора говорил об академии и о причинах своего ухода из нее.

- Что за черт! - говорил он. - Молодые люди тренируют себя, чтобы быть водителями планетарных армий, и ни один не умеет сесть на лошадь. Сидят на ней, как живая собака на заборе, при каждом удобном случае хватаются за луку и закапывают редьку в землю. Я их стыдил: "Как, мол, полководцу не уметь обращаться с лошадью?" А они цинично возражают: "В будущих войнах не останется места ни бутафорским эффектам, ни поэзии, ни роскошным батальным картинам, ни блистательному героизму легендарных белых генералов на белых конях, ни головокружительным военным карьерам, переворачивающим целые государства вверх ногами. Тайна победы будет принадлежать изобретателям - химикам, физикам и биологам, а выигрывать войну будут полководцы с холодным расчетом и железными нервами и с той деловой спокойной жестокостью, которая не пощадит женщин и детей и не оставит побежденному даже глаз, чтобы оплакивать свое горе". И дальше говорили эти доморощенные Аттилы: "Ну-ка, подумайте хорошенько и скажите по совести: какую роль вы отведете самой отважной кавалерии в такой войне, когда эскадрилья бомбоносцов способна будет в течение одной ночи разрушить в прах такой город, как Берлин или Лондон; когда разведка и командование обеспечены будут беспроволочным телеграфом; когда дивизии и корпуса будут перебрасываться на сотни верст с бешеной скоростью в колоссальных автомобилях; когда победители перестанут брать в плен сдавшихся; когда безмерные неприятельские зоны будут сплошь заражены чумой, холерой, столбняком, сапом и другими заразительными болезнями, бактерии которых годами, в ожидании войны, взращивали и распложили искусные бактериологи враждебного государства. Куда же при таких сверхчеловеческих условиях вы